ИХ МНОГИЕ НЕ ПОНЯЛИ. И НАЗВАЛИ... «САМОСЕЛАМИ»

В первые годы после Чернобыльской катастрофы, с возвращением в родные хаты 30-км зоны некоторых эвакупрованных чернобылян, появилось это слово. Вскоре оно прижилось, стало упоминаться даже в официальных документах. Часть здешних возвращенцев обижается, что их так обозвали, другим это безразлично.

...«Самоселы». Кто они, где и как живут сегодня в зоне отчуждения

Чернобыльской АЭС. О троих из них хотелось бы рассказать, поскольку, как мне показалось, они воплощают в своих судьбах, характерах типичные образы. Разные, непохожие друг на друга люди. Одни тихие, спокойные, никогда не станут высказывать журналисту или престо ликвидатору накопившихся обид за такую большую несправедливость, какой является Чернобыльская авария, и вынужденность проживать вне закона в своих же родных домах.

Другие «самоселы» — агрессивные, при любом случае не приминут уколоть обидным словом ликвидатора, мол, оккупанты, вам здесь делать нечего, только проедаете государственную казну. Таким ничего не докажешь, не переубедишь в обратном - им никто не авторитет, даже самые выдающиеся люди.

А третьи просто доживают свой век, их уже ничего не волнует, не тревожит, они уже в другом измере-

нии — близко к Богу... Во время поминовения и празднования Дня Победы — 9 мая наша творческая группа (кроме меня в нее вошли журналисты Александр Колот, Эдуард Кузнецов и водитель УАТиМ НПО «Припять» Алексей, Лесич, который здорово нам помог в этой поездке) посетила ряд сел зоны отчуждения.

В Старых Шепеличах живет семидесятипятилетний Иван Омельянович Василенко — один на все село. Это в четырех километрах от Чернобыльской АЭС, по существу, под боком. Одиночество в какой-то мере скрашивают две собаки и два кота (за едой для них он ходит в Припять в столовую, где можно разжиться отходами). Судя по всему, ходит неча-

Пом побротный, отапливается допотопной буржуйкой, которая стоит прямо на середине второй, спальной комнаты. Электричества нет, поэтому и говорить об особом комфорте не приходится, естественно, ложится Иван Омельянович рано, с сумерками. О событиях в Украине узнает от милицейского патруля, курсирующего по селам «десятки».

Считает, что в Старых Шепеличах людям жить можно, о пагубном влиянии радиации и говорить не желает: «Где она? За восемь лет я ее не видел. Лучше засейте поля, огороды пшеницей, житом, переработайте на спирт — какая прибыль будет. А на будущий год и в пищу их пустить можно». Выговаривает все это с надрывом, с криком.

В этом году засадил сотки четыре картофелем, думает, до весны хватит. Шесть пчелиных колод стоят в разных местах участка. Была бы хозяйка, завел бы скотину, курей. Не может спокойно говорить о ликвидаторах: «Приезжают из Чернобыля на автобусах, все воруют, поджигают дома. Иной раз боюсь бросить хату, вдруг и меня сожгут» (Пожары 1992 года, когда пострадало множество домов не только в Старых Шепеличах, но многих других, а некоторые села почти полностью выгорели, не только Иваном Омельяновичем, но и другими «самоселами» характеризуются однозначно: вина ликвидаторов, хотя, конечно же, эти утверждения далеки от истины. Порой сами «самоселы», выжигая пожухлую

траву, выпаливают большие участки

травяного настила, лесов). Решаюсь на вопрос, который, как я и предполагал, вызовет очередную бурю негодования: «Иван Омельянович, и все же ваш образ мыслей, быт, отсутствие общения с другими людьми многим непонятен».

 Вот как вы думаете, — с прищуром в глазах и явной иронией отвечает. — Если бы я покинул свой дом, то уже давно бы сгнил в земле. Мне когда-то врач сказал: вам жить в папельном доме нельзя -противопоказано. А у меня дом деревянный, теплый, никуда не поеду. Сестре и сыну настрого приказал похоронить меня здесь.

Может быть, это не сразу бросается в глаза, но одиночество, отрыв от людей дают о себе знать. Некоторые вещи, о которых он рассказывает, просто уже выходят за границы здравого рассудка. То он Герой Советского Союза (Золотую Звезду и орден Ленина не получил по причи-

(Окончание на 4 стр.)

ИХ МНОГИЕ НЕ ПОНЯЛИ. И НАЗВАЛИ… "САМОСЕЛАМИ"

(Окончание. Начало на 1 стр.)

не своей долгой засекреченности). То в годы Великой Отечественной был направлен в район для секретной работы, был связным Федорова, вывел из окружения три дивизии... Кто его знает, что здесь правда, а что вымы-сел? Вывшие жители села, приезжавшие на гробки, ничего о его подви-

гах не знают: может было, а может нет. Конечно, осуждать человека, ко-торому и поговорить не с кем, кроме собак и кошек, никто не станет. Пусть выдумывает, может, так ему жить легче: вроде бы и жизнь прожита не даром, есть что вспомнить.

Не менее печальна судьба и старушки, которую мы подвезли в Иль-инцы. Назвалась Парасковией Дми-триевной, минул 82 годок. В Ильинцах живет второй год, а

до этого всю жизнь прожила в Стечанке, которая также сгорела два года назад. В Стечанке похоронены матка, батько, сестры. Два брата в 1941-м ушли на фронт — ни один не вернулся.

Живет сама, мужа похоронила еще в пятидесятых (работал на железной дороге и попал под поезд). Детей Бог не дал: «Саменька живу, синочки. Родичі десь живуть у Мелітополі, Мінську. Вчора приїжджали, усіх побачила, може, востапне... Матір поховала, а батька не знаю, не паможе, востапне... Матір м'ятаю — була маленькою, коли по-мер. У сім'ї нас було десятеро, доживаю сама,

Всі одержують хороші пенсії, вет одержують хорошт пенст, а мені чомусь не добавляють. Що це за гроші — 400 тисяч? На хліб не вистачає. Купила кабанчика, мільйон запросили, так три місяці і хліба не купувала.

Питаєте, чи хтось допомагає? Ні, ніхто. Сама саджу картоплю, сію пшеничку, ячмінь, сама жну, молочу. В Стечанці теж засіяла свою садибу, так ходити туди важко, дуже болять ноги.

Була молодшою, тримала корівку, молочко відносила на базар у Чорнобиль, там купляла щось по господарству. А це 25 кілометрів туди і стільки ж назад. Оце була в Чорнобилі (сусіда попросив забрати пакунок з гуманітарною допомогою, який прийшов на його ім'я, так не дали. Сказали, що вже її комусь віддали, а кому, мовчать. Дурно ходила».

Поинтересовались, как «самоселы» относятся к той гуманитарной помощи, которую им присылают из-за рубежа. «Спасибі їм велике, хай їм Бог дасть здоров'я». Харчі присилають, і з одягу. На днях знову привозили самі харчі».

Совсем недавно стали свидетеля-ми неприятного зрелища, когда в Ильинцах раздавали гуманитарную помощь: люди толкались, вырывали из рук пакеты, ругались. «Та то п'я-ниці понапивалися і таке виробляли. А люди ніколи не ганьблять себе такими вчинками».

У бабы Параски также как и Ивана Аверьяновича нет электричества,

радио..

Из Городищ в Куповатое идет старушка: постанывает, приостановится, переложит на другое плечо торбочку и, подстраховав себя палкой, снова волочит ноги...

Бабушке по крайней мере на вид не меньше девяносто лет: лицо все испещрено многочисленными глубокими морщинами, сил почти никаких не осталось, такой невесомой она показалась, когда помогали сесть в са-

Начали интересоваться, кто она, откуда родом, сколько лет. Признаться, толком ничего и не узнали: сколько лет — не помнит, как зовут — так и не вспомнила. Только и узнали: что захотелось молока и пошла к людям в Городище. Дали целую трехлитровую банку, не пожалели.

Вот такой наш третий герой. Однажды услышал фразу: что обращать внимание на «самоселов», писать о них не стоит, ведь скоро все до одного вымрут - и нет проблем. Как в том сталинском крылатом афориз-ме... Жутковато слушать подобные изречения. Но жизнь распоряжается по-своему. Сегодня в зоне проживают престарелые чернобыляне, вахтовым методом работают (также знакомятся и создают семьи за пределами зоны) их дети и внуки. Большинство их не покидает чувство родины, сокровенная надежда в воздины, рождение оскверненной радиацией земли предков.

Виталий РОМАНОВ.